

Снег не летит — а льётся.

И предметы
Намокшими белеют ворохами
И оседают, погружаясь в синь, —
Зима затеяла большую стирку.

Почуяв будущей весны приметы,
Она спешит распутаться

с делами:

Соседний дом, аптека, магазин —
Всё валится и тонет в мыльной
пене.

Распаренная, с полными плечами,
Зима полощет, отжимает... Вот —
В сугробе новом замечает дырку,
Глядит с досадой миг

и с пущим рвением

На город снежные потоки льёт.

Но, наконец, готово.

И с рассветом

Зима работе грандиозной рада.
А город тих. На бельевой верёвке
Покачиваются морские флаги —

Фасады, потемневшие от влаги.

И снег на иглах в дремлющей
Сосновке

Стоит высокой кучевой
 громადой —
Предвещием неслыханного лета...

Наедине. На глубине.
На безымянной остановке.
Моей в тебе. Твоей во мне...
Как осторожны и неловки,
Как немы первые слова!
...И лишь торопятся взглянуться
Не мы, а изумлённых два
Навстречу выпорхнувших
сердца.

Не касайся набухших почек,
Не тревожь.
Завтра вспыхнет зелёных строчек
Полуложь.
Золотистая дрожь, обманка,
Полусвет —
Дня немеющая изнанка:
Есть и нет.

Трамвай остановился в гаме
И дребезге постылых улиц:
Жизнь раскатилась медяками...
Но Вы вошли — и оглянулись.

От солнца никуда не деться —
Мелькают слепнущие лица —
Глубокая секунда длится
И больно разжимает сердце.

И теснота грудного гула
Всё раскрывается, как купол,
И, свой проехав переулок,
Сиюж беспомощно и глупо

И жду, когда на повороте,
Где город холоден и труден,
Не оглянувшись, Вы сойдёте
В качанье праздников и буден.

И жизнь ворвётся между нами,
И глубину заполнит жадно,
Где время странными путями
Вас поведёт теперь обратно.

Нине Ягодинцевой

Любая рука, любые глаза
 и губы —
В них ветер, и шелест, и дождь.
Хоральной прелюдии нежные,
 нежные трубы —
О том, чего ждётся.

И каждая ветка, и каждая
 вешняя лужа,
И облако, облако в ней
Так тянет из сердца —
 до неба и дальше, и глубже,
Туда, где больней.

И неизъяснимы и лица,
 и лужа, и ветка,
И так одиноки, любя,
Что кажется: эта тугая
 грудная клетка
Не сдержит тебя.

Заснежена твоя клеёнка
На парапете у метро.
Промёрзло нищее добро —
Салфетки, вязанные тонко.

И руки дряхлые дрожат,
И снегопаду уступают,

И кружево не успевают
Отряхивать. А снегопад

Тебя молчаньем охватил,
Удерживая как младенца,
Как переполненное сердце
Истаивая до светил...

Он светом увлекает вверх —
И в тесноте его высокой
Стоишь фигуркой одинокой,
Уже отделена от всех.

Но каждый божий человек,
Невидимо идущий мимо,
Тебе знаком необъяснимо.
И так — преодолая снег,

Со всеми в переключке тайной
На этом голом пяточке —
Стоишь смиренно, налегке,
С беспомощным своим вязаньем.

Так — словно на недолгий срок
Во всезвучащем разговоре,
В его космическом узоре
Ты самый важный узелок.

ЧИТАЯ ДАЛЯ

триптих

— Шорох, стрепет, верезг,
резкий свист!

Это в хлещущем, слепящем
вихре —
Бабочки слетаются!.. Но лист
Словаря переверну — и стихли...

Лишь дрожит — и невесом,
и груб,
И искрист, и нежен
до мерцанья, —

Тонкий отзвук, мотылёк у губ,
Крылышка упругое касанье...

...
Смыслами полнится жаркая
мгла.

Чёрная кровь оmyвает ладони.
Жизнь остановлена на перегоне,
В спящий плацкарт,
за скорлупку стекла

Бездна глядит —
неподвижен зрачок.

Пахнет полынь первобытно
и горько.

Нет никого в диком космосе,
только

Бабочки просверк —
слепой огонёк...

...
Речь моя — таинственный оплот...
Как твоя мерцающая плоть
Прорастает сквозь мою —

в гортани,
В глубине? В трепещущие ткани,
До тишайших клеток —
сладких сот...

Речь моя! На чью беду — ответ —
Ты проснулась, солнечная сила?
Плоть и кровь, дыхание и свет —
И пространство два крыла
раскрыло:

Покачнулся горизонт — лети!
Окрыляй воздушные потоки!
Оживляй неведомые строки.
Наполняй глубинные пути.

Ветку тронь — качнёшь в пустоту
Майский двор, скамейку,
фонарь.

Бедной жизни неведомы
Вечности цветущий букварь.

Мучает неназванный сад.
Болью прорастает весна.
Силится вернуться назад
Кто-то — в имена.
Имена.

СЫНУ

Топлёным молоком в стакане
Короткий зимний день.
Твоей руке тепло в моём кармане,
И лён

Искать перчатки —
так светло, румяно
И перламутрово вокруг.
О, это счастье без изъяна,
Мой друг!

Одним глотком до раннего заката
Его допьём.
Тебе шесть лет,
мне тридцать семь. Из сада
Идём вдвоём.

Е.Т.

Когда пишу кому-нибудь
«Ты» или «Вы»,
как прикасаюсь, —
Мне слово проникает в грудь
И раздвигает чёрный хаос
В густой крови.
И это — вдох
Из безвоздушного сиянья...

И я люблю.
И Слово — Бог.
И нет меж нами расстоянья...

Земля сияет под ногами,
Незамечаемая нами,
Ты видишь это или нет?
Неизъяснимый Божий свет
На все вопросы листопада
Прозрачным делает ответ —
И нас уже почти что нет
В аллее вспыхнувшего сада...

К руке твоей склоняюсь:
там, под кожей —
Биение и свет.
И мир, сплетённый бережно
и сложно,
Утешен и согрет.

И помнит всё.
И беспечально дремлет
Меж завтра и вчера.
Солёная река —
древнее древних —
Не знает переправ.

Воды не перейти: неодолимо
Разлитое внутри.
И дом на берегу, и годы — мимо.
И свет горит.

Только зовом Твоим —
никакого другого зова:
Ни пути, ни приюта, ни друга,
ни нежного слова.
Только словом Твоим —
никакого другого слова.
Только слогом Твоим,
только отзвуком, только земного
Невозможного сердца голосом
детским быть.

Сквозь трещины в асфальте
и песок,
Промытый августом
до тихого свеченья,
Цветные камни, изумрудный
мох —
Неслышно проступает
воскресенье.

По руслам детских пересохших
рек,
Где клады — синего стекла
осколки,
Не огибая полустёртых вех,
Вневременье течёт без остановки.

Витражно-ярко первая листва,
До срока осветившая дороги,
Зрачков твоих дотронется едва,
И вспомнишь разом
невозможно много —

До детского, до сокровенных
крох —
И изнутри увидишь,
как святыни:
Цветные камни, драгоценный мох
И туго свитый корень тополиный

КРАСОТЕ

*Они похожи
на экзотические цветы...*

Р. Бротиган

Дари нечаянную лаской.
Распахивайся в духоте.
Живи во всех.
Живи и властвуй —
Я покорюсь красоте.

...И у витрин универмага,
В вечерней суতোлке ног —
Как экзотический цветок —
Уснувший уличный бродяга...

